ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ
“ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ РОССИИ...”
ИНДЕКС: 26260.
ИНТЕРНЕТ: denlit.ru

ДАЛЁКОЕ – БЛИЗКОЕ

Это мы: о Словаре русской ментальности

В.В. Колесов, Д.В. Колесова, А.А. Харитонов. Словарь русской ментальности. В двух томах. Санкт-Петербург. Златоуст, 2014 год

Валентин КУРБАТОВ

Какое это всё-таки чудо – словари! Обычно-то, кто на них глядит? Говоришь и говоришь. Ты ведь при ходьбе не думаешь, какой сустав за каким "включать" – встал и пошёл! Вот и в речи, если это не публичное выступление, тоже "идёшь себе да идёшь". Да даже и при чтении нынешней книги глаза бегут за сюжетом, не отмечая порядка слов. И только если наткнёшься на "заборное" слово, на которые нынешняя проза такая мастерица, или на какую-нибудь нарочитую лесковскую "досадную укушетку", вдруг споткнёшься, и надо будет некоторое время собирать растерянное внимание, чтобы лететь за сюжетом дальше.

А Словарь кладёт каждое слово под микроскоп и телескоп, и оно рождается при тебе и живёт в разных контекстах, меняя с веками и днями оттенки значений, переодеваясь по времени или исчезая вместе с обозначаемой им частью мира, делаясь её надгробием, как библейские "скнипы", "певки" и "катапетасмы".

Тут ты и понимаешь, что вся мировая культура помещается между "в начале было Слово" и "Что вы читаете, принц? – Слова, слова, слова…". И в словарях как раз виднее всего, как слово, рождённое Адамом в раю, постепенно обживается в истории, или отвергается ею. Как, приживаясь, оно перелицовывается, приноравливается к веку, меняя значения чуть не до противоположности, или уж так прилегает к смыслу, что будто и перестаёт быть словом, а становится самой этой вещью, или даже самим Словом (как в тяжёлых, трагических, доходящих до вооружённого подавления сначала афонских, а потом и русских спорах об "имяславии", в чьём учении "имя Бога и есть сам Бог"). Да и забыть ли "слово и дело государево" молодой петровой поры, когда неосторожное слово каралось как дело.

Временами кажется, что слова таинственно помнят все произносившие их уста и расцветают или стареют от того, в каких контекстах им пришлось побывать.

Да ведь и каждый из нас в разное время не только жизни, а и дня "одевается" политиком, религиозным человеком, созерцателем, расточителем и скрягой, мечтателем и скептиком и одни и те же слова поворачиваются с нами и к нам в разные часы дня разной стороной.

А словарь, который побудил нас говорить об этом, не просто очередной словарь русского языка, где слова, как у В.И. Даля, идут в смиренной алфавитной последовательности и где могут идти прямо друг за другом такие несовместимости, как "дурак" и "душа", "жилец" и "жилет" и даже "рыгать" и "рыдать", а "Словарь русской ментальности" , где те же алфавитные законы словаря послужат собиранию нашей души, нашего многообразия и единства, существа нашей веры, духовного света и рассудочной тьмы, высоты и низости – всего того неисчерпаемого, что зовётся русским человеком.

Это прекрасное двухтомное зеркало отражает нас, как есть, – умными, глупыми, грешными, святыми, искренними, лживыми, простосердечными, лицемерными – неисчерпаемыми, как Россия. И тут, как в жизни, тоже могут следовать друг другу в затылок далеко отстоящие в обиходе слова: "дьявол" и "дядя", "жалость" и "жалованье", "обет" и "обжорство", "жлобство" и "ж…" (в значении "безвыходного положения, в котором можно оказаться самому или отправить другого").

Словари беспристрастнее всего свидетельствуют о том, куда слово заводило нас на исторических путях и из каких бед выводило. Слово было Пушкиным и Гоголем, Леонтьевым и Аксаковым, Розановым и Зощенко, Мережковским и Гиппиус, Толстым и Тютчевым, Вик. Ерофеевым и Довлатовым, чтобы мы могли увидеть всего русского человека – выпрямиться от гордости или погибнуть от стыда на высоких русских качелях.

Подлинно мы живём и говорим бессознательно, пока, скажем, не столкнёмся с иностранцем и не поймаем себя на том, что говорим слишком громко, как будто от этого станем понятнее, и сами с удивлением видим, что не можем ясно назвать не только обобщенные понятия "добро", "милость", "истина", но и самые простые – "дом", "ключ", кипяток". Бедные Робинзоны перед Пятницей, пытающиеся рассказать ему о мире, которого он не знал. А тут ещё горизонт-то сужен до самого существенного – до национального своеобразия, чтобы Пятница понял, что вы не француз, не немец, а именно русский.

И когда вглядишься вот так в каждое самое повседневное слово, поднимешь его к свету, поневоле ахнешь, как каждое из них глубоко, какую таит даль и какое, оказывается, богатство и счастье – жизнь и возможность назвать её и в назывании обладать ею.

Откроешь первую букву "Словаря" – и вот тебе характер, родной в одних только гласных, в единственном звуке:

"а" – и тут же *удивление*: "А, вы здесь, голубчики!",

"и" – и *несогласие*: "И, милый, что в ней хорошего?",

"о" – и *восхищение*: "О, жизнь! О, солнца свет! О, юность! О, надежда!",

"у" – и *укоризна*: "У, баловень…",

"э" – и *возражение*: "Э, позвольте…".

Не-е-ет, тут только начни и придётся пересказывать весь Словарь, а это всё равно, что пересказать Россию. А если уж очень не терпится и хочется поскорее услышать и отличить себя перед миром, можно поглядеть самые большие статьи Словаря и тотчас и увидеть определяющие черты русского сердца: "справедливость", "добро", "совесть", "душа", "жизнь", "грех", "воля", "судьба", "истина". А уж как дойдёшь до слова "русский", то только улыбнёшься: всё у нас на особицу – *русская* душа, *русская* идея, *русская* женщина, *русский* ум и даже *русский* дурак, который по слову Г.В. Свиридова, "отдал алмазную гору веры и красоты за консервную банку цивилизации". Ну, и конечно, неизбежный нынче "новый русский", который "идёт на обман, подлог, подтасовки. На наглый прессинг по всему полю". Даже и не хочется этого "нового" русским называть.

Кто станет счастливым обладателем "Словаря" сам, даже просто только перелистав его, увидит эти живые опоры в саду примеров, которые обнимают всего человека в его вечном эгоистическом настоящем. Вот и это простое, как будто и не нуждающееся в каком-либо комментарии "настоящее", которое, кажется, и не слово, а время, открылось такой пропастью смыслов, что для того, чтобы увидеть и понять его полнее, пришлось созвать Толстого, Гоголя, Зиновьева, Франка, Лопатина, Аскольдова, Лихачёва, Флоренского и с ними оказаться в центре уже не одного своего дня, а в сердце заблуждений и надежд мировой истории и услышать укор и наставление хоть вот в этих словах Герцена: "Ничего не может быть ошибочнее, как отбрасывать прошедшее, служившее для достижения настоящего".

А мы уж столько этого прошедшего "наотбрасывали", что никак сейчас собрать себя не можем.

Это, может быть, одно из главных служений и смыслов "Словаря" – за историческим движением слова увидеть полноту нашего нынешнего национального образа и с горечью отметить, что не всё в этом сегодняшнем образе к нашей чести. Одним из самых печальных выводов, сделанных авторами, что "в наши дни семантически русское слово не развивается, оно насилуется иронией" (вот хоть вариант Т.Толстой "Мы рождены для вдохновенья, для звуков клёвых и крутых").

Горькую правоту авторов Словаря может увидеть сам читатель, пройдя всеми дорогами этого русского языкового небосвода, пережив восхищение, сомнение, тревогу и почувствовав необходимую *личную* ответственность перед будущим русского слова – остановиться ли ему в не нами нажитом богатстве, тешиться ли иронией, или, оглянувшись во времени, увидеть новые живые векторы и перспективы русского духовного домостроительства.

Словарь не только утверждает. Словарь спрашивает, "с какой ноги" мы встанем и пойдём завтра.

Псков

Гибель Грибоедова в Иране

МАХДИЯН Мохаммад Хасан

Точка зрения

Положения Туркманчайского русско-иранского мирного договора (заключён 10 февраля 1828 года) резко усугубили трудную ситуацию, в которой оказалась Каджарская династия. Согласно этому договору, Иран в дополнение к ранее потерянным своим владениям, лишился Ереванского, Нахичеванского ханств и крепости Ордубад. Кроме того, он должен был уплатить России огромную контрибуцию в размере 20 млн. рублей (10 куруров туманов), вернуть в Россию всех военнопленных, не преследовать жителей Иранского Азербайджана, оказавших помощь русским войскам, и выполнить много других весьма жёстких требований России, которая взамен признала Аббаса-Мирзу наследником иранского престола, причём не сразу, а только после долгих изнурительных торгов.

Туркманчайский договор имел ещё одно новое беспрецедентное положение. Согласно ему, русские подданные получили право экстерриториальности – неподсудности иранским судам. Таким образом, он положил начало капитуляционному режиму в Иране. По результатам ирано-российских войн Ирану были навязаны настолько тяжёлые условия, что их негативные последствия сохранились в течение веков в сознании каждого иранца (и порой оказывают отрицательное воздействие на отношения двух народов до сих пор).

Иранские историки Носратолла Фалсафи и Али Асгар Шамим отмечают, что в "Туркманчайском договоре были соблюдены интересы России неизмеримо больше, чем обычно соблюдались интересы любой европейской державы в отношениях с любой побеждённой страной". Отметим, что даже после заключения Туркманчайского договора генерал И.Ф. Паскевич неоднократно угрожал Аббасу-Мирзе, заявляя: "Всё ваше политическое существование в наших руках. Вся надежда ваша в России: она одна может вас свергнуть, она одна может вас поддержать".

В 1829 г. правительство царской России поставило иранские власти в крайне тяжёлые условия. Оно угрожало, что в случае невыплаты военной контрибуции в установленный срок русские войска уничтожат династию Каджаров. "В начале апреля Николай I приказал Паскевичу сосредоточить в Астрахани 30-тысячную армию, после чего действия Паскевича стали более решительными. Уже 10 апреля он отправил в Тавриз своего адъютанта князя Кудашева с письмами для Аббаса-Мирзы, в которых угрожал перейти с войсками в Кафланкух и меньше чем за год уничтожить династию Каджаров". Судьба Ирана была лучше решена в Гюлистане, так как Туркманчайский договор "был злосчастнее и вреднее Гюлистанского, потому что Иран полностью капитулировал, а Каджары стали политическим орудием России". Потрясения, вызванные Туркманчайским договором, а также выплата Фатх-Али-шахом контрибуции ещё многие годы отражались на ирано-российских отношениях. Первым шагом со стороны царской России стало направление в Иран ко двору Фатх-Али-шаха А.С. Грибоедова в качестве полномочного российского посла, принимавшего активное участие в выработке условий Туркманчайского договора, однако в его работе были недостатки. По мнению иранских историков, Грибоедов не проявлял нужной гибкости, в вопросе выплаты контрибуции не принял заверенного шахом гарантийного письма .

Поскольку российское правительство намеревалось установить прочный и длительный контроль над османскими и английскими колониями на Балканах и в Азии и для этого вступить в конфликт с этими двумя державами, заключение Туркманчайского мирного договора с Ираном и навязывание тяжелейших условий, невыполнимых для Ирана, создавало всесторонние предпосылки для достижения Россией своих будущих целей в этой части Азии.

Указанный договор, кроме основного текста, содержал много дополнений по вопросам торговли, банков, транспорта, таможни и др., что обеспечивало подготовку для долгосрочного присутствия России в Иране. При этом изложение положений Договора выглядело таким образом, что создавало впечатление, что для их выполнения достаточно только одного согласия российской стороны, а мнение иранской стороны вовсе не учитывается. Требования Российского правительства, предъявленные в Договоре, были настолько пространны, что расшатывали устои династии Каджаров.

Одним из активных авторов и составителей Туркманчайского договора был Александр Грибоедов, лично написавший большую часть его положений.

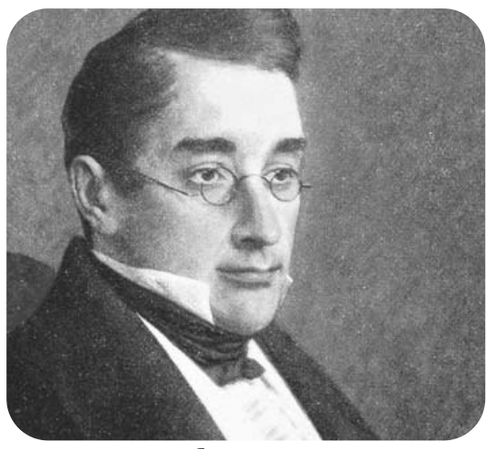
Осенью 1828 года А.Грибоедов прибыл в Иран для ратификации Туркманчайского договора. Он испытывал чувство тревоги за исход дела и говорил А.С. Пушкину: "Вы не знаете этих людей: вы увидите, дело дойдёт до ножей...". "Он полагал, – пишет Пушкин, – что причиною кровопролития будет смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарелый шах ещё жив, а пророческие слова А.Грибоедова сбылись. Он погиб под кинжалами персиян, жертвой невежества и вероломства")" .

Слабая сторона А.Грибоедова-дипломата заключалась в том, что при всех его литературных талантах он не только не знал менталитета, тонкостей мышления, обычаев, традиций и культуры Ирана, но даже и не имел склонности к изучению великого поэтического наследия Востока. В Иране российского посланника встретили с уважением, однако его поведение отличалось от действий других послов, в том числе посла Англии и Турции. А.Грибоедов обладал чрезмерной гордыней, и не хотел соблюдать принятый при шахском дворе церемониал. На первой же встрече с шахом он не захотел в соответствии с обычным сложившимся правилом немного подождать начала визита, подобно другим послам, и поднял шум. Кроме того, он не стал разуваться, чем нарушил дипломатический этикет.

Во время визита А.Грибоедов сидел больше, чем следовало, и поставил в тяжёлое положение шаха, который был в официальной одежде и с тяжёлой короной на голове. А.Грибоедов не придавал значения этим вопросам, и довёл дело до того, что на следующей встрече шах, увидев, что полномочный российский министр снова ведёт себя, как и в первый раз, нарушая этикет, разозлившись сказал: "Можете идти!".

А.Грибоедов расценил это как оскорбление и направил жёсткую ноту министру иностранных дел Ирана. При этом в ноте при упоминании имени шаха не были употреблены соответствующие титулы.

Несмотря на полученные разъяснения, что военные победы обычно подводят монархов и правителей и, в качестве примера, напоминания о поражениях Петра I от османов и от шведского короля Карла XII, А.Грибоедов не изменил стиль своего поведения. Не прислушался он и к рекомендациям, что дипломатические представители при выполнении в странах своей



миссии должны соблюдать по отношению к монархам и правителям стран соответствующие приличия и тонкости.

Кроме того, А.Грибоедов стремился привлечь к сотрудничеству с Российским посольством в Иране слуг видных людей. Так, он говорил, что адъютант Аббас Мирзы Хаджи Масуд Ага во времена П.Цицианова служил в русской армии, а генерал А.Ермолов разрешил ему вернуться в Иран. Кроме того, он получал различные сведения об иранской армии и ситуации при шахском дворе от людей, служивших при дворе, а также от других лиц, нанятых на службу в Российское посольство.

"Такое поведение А.Грибоедова было не случайным. Он всё продумал заранее в достаточной степени, и отнюдь не собирался пересматривать своё поведение. После прибытия в Иран он хотел заставить иранцев в чрезмерной степени оказывать знаки почтения и уважения к величию российского царского флага, и поэтому попрал дипломатический этикет. Он стремился как можно меньше выказывать знаки уважения иранскому монарху, а также старался привлечь как можно большее количество недовольных в иранском обществе под своё покровительство, и в этом деле переусердствовал...".

Между двумя встречами с Фатх-Али-Шахом А.Грибоедов направился на встречу с Амин-Од-Доуле, рассматривая его в качестве старшего министра, а спустя два дня встретился с министром иностранных дел Моатамед-Од-Доуле. После того, как министр иностранных дел, который считался главнее прочих министров, не назначил ему времени для встречи, поскольку им не были соблюдены формальности протокола, А.Грибоедов проявил чрезвычайную настойчивость, и в результате смог добиться согласия министра иностранных дел Ирана на встречу. На этих встречах иранские руководители преподносили ему подарки, но он в обмен не дарил ничего, ссылаясь на то, что его подарки находятся в пути вместе с остальным его имуществом, и скоро должны прибыть.

Было одно обстоятельство, которое постоянно вызывало жалобы народа, что выражалось в недостойном поведении посольских слуг, в том числе Ростамбега и молочного брата А.Грибоедова по имени Александр Дмитриев. Они вели себя самым развязным образом, и, как правило, на улицах устраивали драки с народом. Ростамбег напивался пьяным, бегал по улицам с саблей наголо и кричал, угрожая людям. И при этом народ по указу шаха не имел права поднимать руку на этих людей. Это недовольство накапливалось.

Дипломатические успехи А.Грибоедова были невелики. Туркманчайский договор был ратифицирован правительствами Ирана и России. А.Грибоедов не имел полномочий вносить какие-либо изменения в его текст. Однако он оказывал давление на иранский двор в отношении выплаты контрибуции. Шах называл ему тысячу и одну причину того, что контрибуция не может быть выплачена сразу целиком. Однако А.Грибоедов вновь настаивал.

В конце концов, Фатх-Али-Шаху надоело невежливое поведение А.Грибоедова, и он расценил дальнейшее пребывание Грибоедова в Тегеране как бесполезное. В этой связи он отправил послу прощальные подарки и ордена, что само по себе означало окончание его миссии в Тегеране.

На последней встрече с шахом А.Грибоедов опять сидел дольше принятого, но на этот раз обе стороны уже не злились друг на друга как прежде, потому что Фатх-Али-Шах знал, что наконец-то освобождается от злосчастия неучтивого и претенциозного посла. А.Грибоедов, предвкушая встречу в Табризе с молодой женой, также был счастлив. Однако судьба распорядилась так, что А.Грибоедов не смог живым и здоровым выехать к своей жене. Вечером после последней встречи А.Грибоедова с иранским монархом казначей шахского андеруна Мирза Якуб Маркарян пришёл в русское посольство и заявил, что в соответствии с Туркманчайским договором он хочет вернуться на землю своих предков в Армению, и просит защиты у российского посла. А.Грибоедов принял его, выслушал и сказал ему, чтобы тот возвращался, поскольку только воры по ночам ищут убежища, а он является российским послом и может даровать помощь и защиту только в дневное время.

После подписания Гюлистанского и Туркманчайского договоров в отношениях между двумя странами остались многочисленные трудности, которые вызвали массу споров в дальнейшем, заключавшихся в решении проблем пленных и подданных двух стран. Проблема заключалась в том, что ещё до начала первой серии русско-иранских войн, то есть в 1802 году, а также в ходе этих войн иранскими войсками были взяты в плен российские солдаты. Кроме того, часть людей добровольно получила убежище в Иране. Этот вопрос был отражен в Гюлистанском договоре, и на его основе А.Грибоедов смог вернуть в Россию часть пленных. Однако не было выполнено обещание относительно их свободы и безопасности в России.

В числе пленных был и армянин Мирза Якуб. Этот человек благодаря своим способностям и знаниям оказался в числе приближённых ко двору, и стал казначеем шахского андеруна. Кроме того, русские солдаты и офицеры создали в составе иранской армии отдельную часть под командованием Самсон-Хана. Она использовалась для подавления восстаний и беспорядков внутри страны. А.Грибоедов настаивал на том, чтобы эти люди быть отправлены в Россию.

Вопрос выдачи пленных, беглых и прочих подданных с обеих сторон был изложен в Туркманчайском договоре по-новому. Царское правительство увязало этот вопрос с проблемой давности лет, и заявило, что люди, проживающие на территориях, присоединенных к России, в соответствии с новым договором считаются российскими подданными, и все они должны быть возвращены в Россию.

Между тем, некоторые принцы крови и придворные, а также другие иранские подданные создали семьи, женившись на грузинках, армянках и азербайджанках. Также большое количество женщин, мужчин и военных, бежавших в Иран, не хотели возвращаться в Россию, но столкнулись с противодействием А.Грибоедова.

Статьи 11, 13, 14 и 15 Туркманчайского договора были посвящены вопросу возврата подданных обеих стран, а в статье 15 косвенно намекалось на то, что иранские ханы и другие подданные, помогавшие русской армии, не должны подвергаться преследованиям со стороны иранских властей, а напротив, им должна быть предоставлена свобода выбора места будущего проживания и право беспрепятственного переезда вместе со своим имуществом и без взимания налогов или пошлин.

На следующий день Мирза Якуб снова пришёл в посольство и попросил покровительства у А.Грибоедова, обратившись с просьбой отправить его на родину. А.Грибоедов очень долго разговаривал с Мирзой Якубом, так как хотел выяснить причину, по которой этот человек, получивший массу привилегий при шахском дворе, хочет поехать туда, где у него никогда не будет таких возможностей. Мирза Якуб настойчиво требовал дать ему возможность воспользоваться правом и обязательно уехать из Ирана.

Конечно, А.Грибоедов знал, на что идёт. Он был убеждён, что вывоз одного из самых доверенных людей, человека, посвящённого во многие придворные тайны, может обернуться серьёзными последствиями.

Между тем, Мирза Якуб рассказал иностранцам все тайны шахского андеруна, не задумываясь о том, какой в городе поднялся шум. А.Грибоедов выведал у Мирзы Якуба все придворные тайны и размер казны иранского правительства, и таким образом готовился к будущей торговле по вопросу скорейшей выплаты иранским правительством контрибуции.

Первой реакцией иранского двора стал арест имущества Мирзы Якуба, которое он хотел вывезти в Ереван. Затем в течение дня в русское посольство несколько раз обращались представители двора, чтобы дать понять русскому послу, что недозволительно предоставлять убежище и защиту одному из приближённых ко двору. Однако А.Грибоедов и другие посольские служащие не приняли эти заявления, считая, что они не могут отказаться от своих обещаний о покровительстве Мирзе Якубу.

При последнем обращении придворных в Российское посольство было заявлено, что Мирза Якуб задолжал двору 50 тысяч туманов, и поэтому хочет бежать. Однако А.Грибоедов и этому заявлению не придал значения, хотя до отъезда посла из Тегерана оставалось всего шесть дней. Посольские люди готовили лошадей и повозки.

Иранский двор предложил в сложившейся ситуации посольству выехать в Табриз, однако Мирза Якуб под гарантию сохранения жизни должен остаться и выехать только после решения своей проблемы. Однако А.Грибоедов не принял это предложение и заявил, что вопрос должен быть решён до отъезда посольства и в присутствии членов миссии.

Двор поручил решение вопроса главному хранителю андеруна – Манучехр-Хану. Мирза Якуб вместе с советником Мальцевым и переводчиком посольства Шахназаровым поехали к Манучехр-Хану. Однако эта встреча ничего, кроме крика и брани, не дала, и Мирзу Якуба вернули в посольство.

А.Грибоедов попросил у шаха аудиенции, и такая встреча состоялась, однако результата она не дала, поскольку российский посол не отказался от помощи Мирзе Якубу. Шах пригрозил, что направит в Санкт-Петербург наследного принца, чтобы пожаловаться царю Николаю I. В конце концов, состоялась ещё одна встреча для проверки требования двора с участием старейшин и духовенства. На этой встрече судье были предъявлены расписки Мирзы Якуба в получении 50 тысяч туманов. Однако советник посольства Мальцев, который выступал со стороны Мирзы Якуба, увидев расписки, заявил, что не может признать их как официальное подтверждение задолженности Мирзы Якуба, который находится под защитой российского посольства. Мальцев полагал, что Мирза Якуб потратил деньги на нужды андеруна и что у него на этот счёт есть соответствующие документы, но они находятся среди его вещей, которые задержаны людьми Манучехр-Хана, и поэтому он не может их предъявить.

Представители правительства Ирана поняли, что законным путём они не смогут помешать выезду Мирзы Якуба из страны. С другой стороны, распространился слух о том, что Мирза Якуб выдал А.Грибоедову все тайны двора, а также дал ему адреса и подробные данные грузинских и армянских женщин, живущих в семьях некоторых придворных лиц.

Некоторые члены посольства во главе с Ростамбегом уговорили А.Грибоедова предпринять шаги для освобождения этих женщин. А.Грибоедов поручил это дело Ростамбегу, который вместе с другими членами миссии, которые прибыли из Тифлиса и имели с собой заранее приготовленные сведения об упомянутых женщинах, в сопровождении группы иранских полицейских отправился на розыски домов указанных придворных.

Эта группа в составе сотрудников Российского посольства и иранских полицейских после осмотра нескольких домов, при посещении дома видного царедворца Аллахйяр-Хана увидели молодую женщину и девочку-подростка тринадцати лет. Ростамбег спросил их, хотят ли они вернуться в Грузию. Те сказали, что не хотят. Однако Ростамбег закричал: "Как бы там ни было, они пойдут со мной!". Аллахйяр-Хан вместе с группой местных старейшин отправился к А.Грибоедову и пожаловался ему на поведение Ростамбега. Однако на следующий день Ростамбег, несмотря на жалобу Аллахйяр-Хана, имея на руках письменное требование А.Грибоедова о необходимости передачи двух женщин в посольство для личной уверенности посла, явился в дом Аллахйяр-Хана и увёз в посольство тех двух женщин вместе с женихом молодой девушки и несколькими слугами Аллахйяр-Хана.

Это серьёзно усилило напряжённость вокруг ситуации. Народ был возмущён наглостью русского посла и безразличием двора. Разгневанная толпа направилась к Российскому посольству. Все были обеспокоены развитием событий, кроме российского посла, охваченного чрезмерным тщеславием и сверх всякой степени притязаниями. А.Грибоедов не только не принял своевременных мер для урегулирования скандала, но, надев официальную форму с орденами и регалиями, до последнего момента продолжал подсмеиваться над разгневанным народом. К сожалению, дело закончилось тем, что разгневанный народ убил А.Грибоедова и ещё многих членов Российского посольства. Тело А.Грибоедова сначала было перевезено в Табриз, а оттуда переправлено в Тифлис, где и было погребено. Видимо, у Грибоедова в душе перепута- лись две несовместимые роли. Дипломат – в отличие от поэта – не должен быть резким, между тем ему предназначали странную для поэта роль – выбивать из Персии положенную по соглашению контрибуцию и выцарапывать из персидского плена томящихся там людей. "А.Грибоедов по неопытности залез в святая святых – гарем. Вызволил двух женщин, которые, если верить персам, уже не очень-то и хотели вызволяться. И, наконец, взял под защиту могущественного визиря, посвящённого в гаремные тайны и пожелавшего вернуться из плена на родину. Этого шах допустить не мог. А тут ещё обоз с подарками задержался, и Грибоедов, нарушая обычаи Востока, не мог отвечать дарами на дары, что было тяжелейшим нарушением персидского этикета" .

Фатх-Али-шах был крайне обеспокоен случившимся и опасался, что между двумя странами начнётся третья война, к чему он был абсолютно не готов. Поэтому без промедления он послал к Николаю I своего внука (сына Аббаса-Мирзы) Хосрова-Мирзу, который был молодым человеком приятной наружности. В качестве подарка для Николая I и извинения за убийство А.С. Грибоедова и других российских подданных он передал с ним большой алмаз "Шах", который был привезён из Индии Надир-шахом. Николай I приветливо встретил Хосрова-Мирзу и простил Ирану часть военной контрибуции.

Российская историография традиционно не склонна к принятию версий иранских историков, даже тех, кто лично был в курсе гибели А.С. Грибоедова. Речь идёт о версии третьего сына Аббаса-Мирзы, принца Джахангира-Мирзы, рукописи которого были впервые опубликованы в 1948 г. в Тегеране под названием "Новая история" .

Два тяжелейших договора – Гюлистанский и Туркманчайский, а также убийство А.С. Грибоедова в Тегеране, оставили обидную память у иранцев и у русских. В течение многих лет целый ряд иранских и иностранных историков занимался исследованием этого вопроса, и каждый из них высказывал по нему свою точку зрения, хотя принципиальные оценки случившегося в основном совпадают.

В целом у А.С. Грибоедова был резкий характер. Даже гениальный русский поэт А.С. Пушкин в своём произведении "Путешествие в Арзрум" писал: "Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году. Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, – всё в нём было необыкновенно привлекательно. Рождённый с честолюбием, равным его дарованиям, долго он был опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления, талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставались некоторое время в подозрении. Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось говорить о нём, как о человеке необыкновенном. Люди верят только славе...".

Убийство Грибоедова в Иране никогда не забывалось руководителями и народом России. Этот вопрос, как и другие факты истории России, включая захваты чужих земель, всегда привлекал особое внимание даже большевистских руководителей. Так, во время проведения Тегеранской конференции в 1943 году советский лидер И.Сталин вместе с Рузвельтом и Черчиллем вспомнили о 114 годовщине убийства А.С. Грибоедова, и по этому случаю сфотографировались на память.

Убийство Грибоедова было неприятно и для иранцев. Никакой народ не будет радоваться, если на его земле будет убит иностранный дипломат или даже просто иностранец. Такое событие заставит сокрушаться кого угодно.

После этих событий по ряду причин в отношениях между двумя странами наступило спокойствие. Чрезвычайно важным для правительства Фатх-Али-шаха было положение Туркманчайского договора, по которому Россия официально признавала династию Каджаров и наследного принца Аббаса-Мирзу. В свою очередь, правительство Ирана согласилось с распространением влияния России в Иране.

Газета «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ» зарегистрирована в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций 9 апреля 2001 года
Регистрационный № ПИ 77-7768
Учредитель – БОНДАРЕНКО В.Г.

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13,
Тел. редакции: 8-499-246-00-54. Наш сайт: denlit.ru
Служба распространения: 8-499-246-88-52.
Электронная версия: http://zavtra.ru. Электронный адрес: denlitera@yandex.ru
Газета отпечатана в ЗАО Красногорская типография, г. Красногорск, Коммунальный квартал, 2. Общий тираж 10 000

Главный редактор
Владимир БОНДАРЕНКО
Выпускающий редактор Валентина ЕРОФЕЕВА

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов 16 +
Подписано в печать 26.01.2015 г. Заказ № 60